

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, РАЗМЕЩЕННЫХ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

А.Н. Талапин,
кандидат исторических наук

Февральская революция в России оказала заметное влияние на политику, проводившуюся в отношении иностранных пленнх, размещенных во всех уголках необъятной Российской империи. По всей России 18 апреля (1 мая по новому стилю) военнопленные наравне с местными жителями впервые участвовали в демонстрациях и митингах в честь Дня международной солидарности трудящихся. Официально Временное правительство запретило празднование первомайского дня пленными, но запрет этот повсеместно в Западной Сибири не исполнялся, при сочувствии местных Советов, живо отозвавшихся на просьбы пленнх разрешить им выразить солидарность с российским пролетариатом¹. В Томске, сразу после первомайской демонстрации, пленные выступали и на другом митинге с протестом против суда, организованного австрийскими властями над Фридрихом Адлером, убившим в парламенте председателя совета министров Австрии Штюка².

Новые демократические революционные власти, так неожиданно утвердившиеся в России в начале 1917 г., изначально заявляли о своих филантропических намерениях добиться облегчения участи не только русских пленнх в странах Четверного союза, но и иностранных пленнх в России. Это был вполне понятный пропагандистский ход, который должен был подействовать не только на местных обывателей, но и на самих пленнх, по крайней мере, на ту их часть, которой обещались льготы. Льготы были обещаны, прежде всего, военнопленным-славянам. Известно, что еще до революции в России обсуждались всевозможные идеи облегчения их участи. Но успех любой пропаганды среди пленнх, по большому счету, зависел лишь от решения одного вопроса – возможности их досрочного, до окончания войны, освобождения.

Проекты освобождения военнопленных, в частности, предоставления им таких льгот, которые сделали бы их «друзьями» свободной России, от-

крыто обсуждались военными, чиновниками, различными легальными общественными организациями (вроде многочисленных славянских обществ), а также местными периодическими изданиями еще до 1917 г. Но именно Февральская революция придавала особый импульс интересу и симпатиям к «нелегкой судьбе» военнопленных. В научной литературе давно общим местом стало указание на то, что именно Временное правительство впервые перешло от рассмотрения проектов по облегчению участи пленнх к реальным шагам по их воплощению. Однако еще советские авторы, оценивая утверждавшиеся новой властью проекты облегчения участи пленнх, всегда вполне обоснованно обращали внимание на их явно не альтруистический (вопреки официальной пропаганде) характер. Льготы всегда предоставлялись только «дружественным пленным» (прежде всего, славянам), при этом устанавливалось, что «применение... льгот и преимуществ касается только тех пленнх... которые выразили согласие вступить добровольцами в союзные армии»³.

Известно, что для «дружественных национальностей» в лагерях военнопленных введенные в 1917 г. правила⁴ предусматривали возможность иметь своих выборных представителей, хотя в Западной Сибири с 1916 г. существовали так называемые лагерные комитеты пленнх с участием в их делах членов лагерной администрации, благотворительных обществ. Предусматривалось право участия военнопленных в разборе корреспонденции и посылок, право взаимного общения, покупок на местных рынках, что также в крае принципиально не было нововведением. Не оригинальным было и разрешение на чтение книжной продукции, газет и журналов на родных языках, допущенных к обращению в России. В качестве особой льготы этим пленным разрешалось иметь в местах проведения работ своих кашеваров, гарантировалось право на обеспечение надлежащего санитарного надзора и медицинской помощи. Дозволя-

лись переписка с национальными организациями и пленными-соотечественниками на родном языке с соблюдением установленных правил военной цензуры, проживание на частных квартирах при условии особого разрешения с взятием подписки о непобеге. Главным новшеством в праве жительства на квартирах было то, что оно в первую очередь давалось не только «офицерам и лицам интеллигентных профессий», но и больным, инвалидам, а также «иным лицам других категорий по особо уважительным случаям»⁵.

Льготникам разрешалось посещать богослужения, своих духовников. Представителям национальных организаций давалось право на посещение названных пленных, хотя и эти разрешения едва ли можно назвать новшествами для Западной Сибири. Наиболее существенными, по сути, новыми (в сравнении с дореволюционной политикой в отношении «дружественно настроенных национальностей») стали разрешение на брак с русскими при условии лояльности пленных и взятии их на поруки, право заниматься любым трудом, соответствующим их подготовке и профессии, и разрешение ходатайствовать как о совместном проживании с родственниками, так и просто о перемещении из одного пункта водворения в другой.

Из сказанного видно, что льготы в отношении военнопленных были во многом формальны и зачастую просто невыполнимы. Никаких существенных привилегий не гарантировалось даже «дружественным» пленным, если только они не изъявляли желания вновь взять оружие в руки и воевать, теперь уже на стороне России и ее союзников. Сами пленные добивались от утвердившейся в России новой власти гораздо большего – освобождения. Но поскольку Временное правительство не изменило союзническим обязательствам и отказалось выводить Россию из войны, единственной надеждой для пленных обрести свободу стало получение нового, российского гражданства.

Однако в вопросе о гражданстве Временное правительство не отказалось от прежней, царской политики, разъяснив все же, что «могут переходить в русское подданство только те из иностранцев воюющих с нами держав, которые прожили в России несколько лет, имеют здесь родственников и у которых кто-либо из членов семьи находится в рядах русской армии»⁶. Зная об этом решении, пленные в своих ходатайствах подчеркивали длительность своего пребывания в России, просили разрешения на брак с русскоподданными, а если у них были семьи за границей, то наивно убеждали, что место их жительства в настоящее время находится в русских руках, там идут бои и все разорено и, вообще, они не знают, живы ли их родные. Все обращения о гражданстве, независимо от того, были ли в них ссылки на указанные обстоятельства, до окончания войны

предписывалось оставлять без движения⁷. Не могли надеяться на немедленное получение гражданства даже те из пленных-просителей, кто действительно много лет жил в России, у кого родные были не только русскоподданными, но даже служили в армии.

Таким образом, несмотря на то, что до Октябрьской революции большинству военнопленных получение гражданства в России было запрещено (со ссылкой на обещание правительства рассмотреть вопрос по окончании войны), при Временном правительстве это не исключало возможности еще до конца войны добиться получения свидетельства на право жительства в России с указанием определенного места приписки. И хотя вид на жительство в стране до окончания войны пленный получить не мог, фактически он уже приобретал право находиться в ней. Именно поэтому незадолго до Октябрьской революции по решению правительства в ответах пленным просителям местные комиссары Временного правительства стали предлагать получить вначале водворительное свидетельство⁸. Когда в Западной Сибири началась раздача водворительных свидетельств военнопленным, то обстоятельства, указывавшиеся просителем в ходатайстве, отошли на второй план. В свидетельстве указывалось, что его обладатель не перестает считаться иностранцем, обязан подчиняться всем законам о них и лишь после 5-летнего срока водворения в России он может просить МВД о принятии его в российское подданство⁹.

Среди всех сохранившихся ходатайств, которые делались военнопленными или от их имени в Западной Сибири, наиболее интересными, раскрывающими непростые, а порой трагические обстоятельства жизни, на наш взгляд, являются относительно немногие, составленные их родными и близкими, в том числе членами их новых семей, которыми они обзавелись в России. Например, одна из жительниц Томска в 1917 г. вступила в законный брак с австрийским военнопленным, получив на это соответствующее разрешение начальника штаба Омского военного округа. Ее муж – военнопленный чех Антон Кончино до войны не только жил и учился, но даже родился в России, отец и три его сестры на момент ходатайства жили в Оренбурге. В плену Кончино находился с августа 1914 г., т. е. с самого начала войны. Более того, он возбудил ходатайство о принятии в российское подданство, чтобы и после войны навсегда остаться в России. Однако не только это ходатайство, но даже прошение о праве на жительство совместно с законной супругой на частной квартире было отклонено начальником Штаба Омского военного округа. Причиной отказа стало то, что Кончино не смог представить военным необходимым ручательств за себя частных лиц, пользовавшихся доверием местных властей¹⁰. Он находился в

лагере и не имел нужных «знакомств» в городе. Ответственные лица, предлагавшие размещенным в Западной Сибири пленным представить названные ручательства, имели в виду легальные славянские организации, с царских времен открыто общавшиеся с военнопленными. Однако их представительство не было не только в местах проведения работ, где находилось большинство пленных, но даже во всех лагерях военнопленных.

При нежелании Временного правительства давать пленным российское гражданство до широкой общественности, в том числе международной, беспрепятственно доводился «голос пленных» из России и, в частности, из Западной Сибири, выступавших в поддержку русских военнопленных. Так, в майской телеграмме в Стокгольм на международную социалистическую конференцию (которая так и не состоялась) от австрийских и германских военнопленных, работавших в угольных шахтах Западной Сибири, где к началу 1917 г. пленные составляли 1/4 всех рабочих¹¹, содержался протест «против бесчеловечного обращения с русскими военнопленными в Австрии, Германии и Турции», потому что «русские рабочие, ведя борьбу за улучшение условий для себя, добиваются того же и для нас. Мы требуем подобного же отношения к русским военнопленным»¹². Митинги с протестами военнопленные организовали в Томске и его окрестностях, сумев привлечь несколько тысяч человек. Резолюцию митинговавших пленных с благодарностью «русским товарищам-рабочим» и сообщением об отчислении иностранными пленными части заработка в пользу русских пленных, томившихся в плену на территории Германии и Австро-Венгрии, опубликовала газета Томского Совета солдатских и рабочих депутатов «Знамя революции» 4 июня 1917 г.¹³ Как представляется, появление протеста было вызвано не столько абстрактными соображениями солидарности русских и иностранных пленных, сколько опасением последних возможностью ужесточения режима их содержания.

В советской историографии подобное «благородство» не принято было связывать с чем-либо, кроме пролетарской солидарности военнопленных. Но у пленных были и другие весомые аргументы. Свет на международную солидарность «западносибирских» военнопленных помогает пролить следующий характерный факт. Начальник штаба Омского военного округа в мае 1917 г. по требованию ГУГШ распорядился разослать во все пункты размещения и работ военнопленных воззвание с угрозой ухудшения их положения. Оно гласило, что ввиду тяжелых условий содержания и высокой смертности русских пленных в Германии, Австрии и Турции из-за болезней и бесчеловечного обращения русское правительство будет вынуждено соответственно изменить и их положение¹⁴.

Во избежание репрессий российские военные добивались от пленных письменных обращений и требований от своих правительств облегчения участи русских пленных и улучшения условий их содержания.

Более распространенными были требования пленных, предъявлявшиеся ими как правительству, так и местным властям в Западной Сибири: о переустройстве их внутреннего быта, предоставлении таких гражданских и политических прав, как жительство на частных квартирах (чем, кстати, немало пленных пользовалось еще до Февральской революции), свобода передвижения в пунктах квартирования, свобода собраний, профессиональных, религиозно-просветительских союзов и т. п. Подобные требования военное ведомство до Октябрьской революции справедливо оценивало как противоречащие «самому понятию о состоянии плена, неразрывно связанному с ограничением свободы»¹⁵, пытаясь при этом в качестве веского аргумента апеллировать к положению российских пленных в Центральных державах. Показательно, что мерой противодействия таким настроениям пленных стало наивное предложение военного министра А.И. Гучкова, адресованное в апреле 1917 г. всем учреждениям и лицам, ведавшим пленными, объяснить военнопленным «всю невыполнимость их стремлений и потребовать от них беспрекословного повиновения»¹⁶.

Февральская революция в России, безусловно, стала определенным рубежом для судеб военнопленных, поневоле очутившихся в самой гуще событий. При этом коррективы, которые она внесла в политику по отношению к пленным, не носили радикального характера. Произошло это как из-за стремления новой власти сохранить известную преемственность с прежней политикой в их отношении, так и потому, что политическая и классовая дифференциация в их среде была на протяжении 1917 г., от февраля до октября, весьма незначительной¹⁷. Однако подъем революционного движения в стране, безусловно, стал катализатором общественно-политической активности и социально-политического размежевания пленных, соответствующим образом менялась и политика в их отношении. Эта политика становилась более радикальной. Впоследствии, после победы Октябрьской революции, рост политического сознания пленных и вовлеченности в классовую борьбу стали задачей новой большевистской власти, боровшейся за идейное влияние на военнопленных под интернациональными лозунгами.

¹ См.: Попов Н. А. Революционные выступления военнопленных в России в годы первой мировой войны / Н. А. Попов // Вопросы истории. — 1963. — № 2. — С. 83.

² См.: ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 59. Л. 3.

³ «Дружественным пленным» гарантировались даже легальные возможности создания собственных политических

организаций. См.: *Интернационалисты*. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. – М., 1967. – С. 71.; ТФ ГАТюмО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 453. Л. 97, 106.

⁴ Например, «Правила, устанавливающие особые льготы для военнопленных поляков», разработанные к лету 1917 г. и позже распространенные на другие «дружественные народности»: чехов, словаков, сербов, румын, итальянцев, эльзасцев и др. Подробнее см.: *Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции*: Сб. ст. – М., 1967. – С. 117; *Интернационалисты*. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. – С. 71.; ТФ ГАТюмО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 453. Л. 39-40, 97, 106 и др.

⁵ ТФ ГАТюмО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 453. Л. 40.

⁶ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 54. Д. 12. Л. 70.

⁷ Там же. Л. 62, 69-70, 77, 83, 85-86, 88, 109-110, 112-113, 117, 119-120, 122-125, 131, 134, 136, 139, 150-151, 171-172 и др.

⁸ См.: ГАТО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 31. Л. 1-4; Д. 33. Л. 1-2, 13, 16, 18, 19, 20, 22-23, 29-30, 31-32, 36-37, 57-62, 74-75, 79, 81-83 и др.

⁹ ГАТО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 33. Л. 23.

¹⁰ Текст прошения с приложением соответствующих

документов, ответ на него см.: ГАТО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 33. Л. 65-67, 70-73.

¹¹ См.: *Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма*. – Новосибирск, 1980. – С. 200-201.

¹² *Омский вестник*. – 1917. – 17 июня. Полный текст протеста см.: *Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР*: сб. док. в 2 т. – Т. 1. Возникновение и развитие революционного движения среди венгерских военнопленных в России. – М., 1968. – С. 16-17.

¹³ См.: *Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции*. – М., 1959. – С. 27-28.

¹⁴ ТФ ГАТюмО. Ф. 722. Оп. 3. Д. 44. Л. 30-31.

¹⁵ ГАОО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 75. Л. 227.

¹⁶ Там же. Подробнее об основных мероприятиях Временного правительства по восстановлению дисциплины пленных см.: *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914-1921 гг. – М., 1965. – С. 60-62.

¹⁷ Об этом аспекте проблемы в общероссийском масштабе см.: *Интернационалисты*. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917-1920 гг. – М., 1987. – С. 62-81.